

(1830–1904). СПб., 1998; *Дашкуев М.Д.* Побеждает тот, кто умеет лучше думать. Н.Н. Обручев. М., 2007; *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007; *Господарик Ю.* Пётр Семёнович Ванновский // Высшее образование в России. 2002. № 4. С. 142–147; *Шолохов А.Б.* Генерал Михаил Скобелев.

Исторический портрет. М., 2002; *Гусаров В.И.* Генерал М.Д. Скобелев: легендарная слава и несбывшиеся надежды. М., 2003; Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. М., 2018; *Шаваев А.Г.* Куропаткин. Судьба оболганного генерала. М., 2019; и др.

Александр Пученков

Без Бога, царя и Отечества: из истории Балтийского флота в 1917 г.*

Aleksandr Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

Without God, Tsar and Fatherland: the history of the Baltic Fleet in 1917

DOI: 10.31857/S2949124X24020221, EDN: HGNBTZ

Петербургский исследователь Д.А. Бажанов уже многие годы увлечённо работает над историей Балтийского флота в годы Первой мировой войны¹. Нынешнее исследование Бажанова выводит его наработки на новый уровень: учёному удалось подготовить труд, который может лечь в основу докторской диссертации. Книга охватывает сразу два актуальных и востребованных направления. С одной стороны, она освещает службу дредноутов Балтийского флота в 1914–1917 гг., когда данный тип кораблей считался новейшим, требовал особой подготовки нижних чинов и офицерского состава, остававшегося вплоть до начала Великой войны преимущественно дворянским². Хотя Балтика так и не стала очагом крупных морских сражений, местные корабли должны были защищать от немецких атак Петроград и Гельсингфорс. Другая, не менее важная часть монографии реконструирует основные черты повседневности балтийцев в переломную эпоху. Исследователь дотошно проанализировал все ключевые

аспекты повседневной жизни моряков, служивших в Гельсингфорсе. Бажанову удалось реконструировать быт моряка-балтийца – рутинную сторону его службы на корабле, духовную жизнь, пищевой рацион, режим дня и т.д.

Затронутые в книге сюжеты порождают целый ряд вопросов. Едва ли не самый важный из них: как и благодаря чему за два с половиной года произошла метаморфоза, превратившая матросов Балтийского флота – гордость империи и любимцев всех без исключения Романовых, начиная с Петра Великого, в «красу и гордость русской революции», а после Октября – в своеобразных преторианцев большевистского режима?

На протяжении всей своей истории российский флот представлял собой уникальное сообщество со своими традициями и ритуалами, особым внутренним устройством. В известной степени это была своеобразная «Россия в миниатюре», чрезвычайно остро переживавшая политические и экономические события. Себя моряки-

* *Бажанов Д.А.* Служебные будни балтийских дредноутов (1914–1917 гг.). СПб.: Астерион, 2021. 384 с.

«братушки» считали носителями универсальной и внепартийной идеологии, не зафиксированной ни в каких уставах³. После Февраля матросы стремились руководствоваться только ею, не очень-то обращая внимания на прежние авторитеты. При этом вчерашние нижние чины убежденно считали, что имеют полное право на претворение своих идеалов в жизнь в общегосударственном масштабе. С «неправдой» моряки были готовы сражаться, не жалея «живота своего».

Основу монографии составили неопубликованные материалы, извлеченные Бажановым из РГА ВМФ. Введение их в научный оборот позволило автору представить чрезвычайно взвешенный и осторожный взгляд на события, связанные с историей бригады дредноутов, стоявшей в 1914–1917 гг. в Гельсингфорсе. Подобный подход позволяет получить достаточно точную картину настроений личного состава Балтийского флота в целом. Бажанов избрал хронологический стиль повествования, начиная свой рассказ с лета 1914 г., которое «Гельсингфорс встретил обычной суетой на улицах и в магазинах, разноголосой речью — русской, шведской и финской» (с. 77).

Начало кампании застало флот в стадии перевооружения: в ходе русско-японской войны Россия практически полностью потеряла военно-морские силы, предназначавшиеся для Балтийского моря и Тихого океана. Между тем именно линейным кораблям типа «Севастополь» предстояло выдержать основной удар немецкого флота (с. 3). К исходу 1914 г. на дредноутах окончательно сложился распорядок дня: после пробудки в 6 ч. 30 мин. утра матросы должны были за считанные минуты подняться, одеться, умыться, убрать койку и выстроиться на утреннюю молитву. После завтрака начиналась изнурительная «судовая работа», продолжавшаяся до

11 ч. 30 мин. За ней следовали гимнастика, обед и послеобеденный отдых, после чего возобновлялось выполнение судовых работ. С 17 ч. 30 мин. матросы приступали к уборке и подготовке к ужину, который «на кораблях был событием более значимым, чем обед. Он был наиболее сытной частью рациона команды, поскольку включал в себя первое блюдо и чай (а для унтер-офицеров — какао)» (с. 87–89). После ужина наступало свободное время, продолжавшееся до того, как в 8 ч. вечера матросы сигналом горна созывались на вечернюю молитву, которая проходила, в отличие от утренней, в так называемой церковной палубе (корабельной церкви). Когда служба заканчивалась, матросы шли к раздаче коек и отправлялись в жилую палубу. С этого момента хождение по кораблю кого-либо, кроме вахтенных, воспрещалось. «Жизнь окончательно замирала, — отмечает Бажанов, — когда на корабле гасили огонь на камбузе (около 23 ч.)» (с. 90). Отклонения от порядка допускались лишь в воскресенье, когда сигнал пробудки звучал на два с половиной часа позднее обычного времени — в 9 ч. утра. Дольше обычного длилось в этот день и богослужение, занимавшее важное место в повседневной жизни военного корабля. Кроме того, именно в воскресные матрос легче всего мог получить увольнительную на берег, в отдельных случаях — даже до утра следующего дня (с. 90).

Обратим внимание: утренняя и вечерняя молитвы являлись нормой корабельной жизни. Но хотелось бы узнать, какую роль религиозный фактор играл в жизни Балтийского флота на начальном этапе Первой мировой войны и, к примеру, в канун революционных событий 1917 г.? Каким образом атеизм проникал в сознание экипажей и вытеснял традиционную религиозность? Эти вопросы, к со-

жалению, в рецензируемой книге не рассмотрены.

Большое внимание автор уделяет организации свободного времени моряков. Если офицеры были вольны в выборе своих занятий, то досуг нижних чинов в значительной мере зависел от воли командования. В офицерских кают-компаниях на линкорах работали библиотека, клуб и музыкальный салон. Нижним чинам командование предлагало купание, а также спортивные занятия: соревнования по лыжному спорту, футбольные матчи между командами дредноутов, акробатику, классическую борьбу, состязания по тяжёлой атлетике (с. 107–111). Кроме того, в качестве развлечений командам кораблей предлагались театральные постановки, киносеансы и посещения библиотек (с. 112–115).

Тяготы военного времени лишь к 1916 г. отозвались на снабжении линкоров, но потом уже «кризисные явления возникали постепенно в разных сферах» (с. 102). Вскоре личный состав столкнулся с дефицитом носков, кальсон и т.д., не хватало стиральных и моющих средств на кораблях, ухудшилось качество питания (с. 103–104). Все эти факторы отражались на состоянии здоровья моряков.

Роль линейных кораблей типа «Севастополь» в кампаниях 1915–1916 гг. была неоднозначной. Конечно, введение их в строй усилило оборону столицы. Однако, по признанию Бажанова, «своего боевого назначения они не оправдали» — ни разу не участвовали в бою, хотя трижды выходили на прикрытие минных постановок (с. 105).

Значительная часть книги посвящена событиям 1917 г. Февральская революция кардинально изменила жизнь экипажей. Доходившие в дни революции известия с берега будоражили команды (с. 177). Чрезвычайные меры, которые принимало командование, пытаясь сохранить контроль

и не допустить беспорядков, к успеху не приводили: обстановка в Гельсингфорсе быстро накалялась (с. 186). Бажанов пытается найти побудительные причины, из-за которых в матросской среде накапливалось недовольство, обернувшееся расправой над офицерами в Гельсингфорсе, кошмарное повторение которой на исходе 1917 г. произошло и в Севастополе.

В советской традиции убийства офицеров даже героизировались — достаточно вспомнить знаменитые строчки из «Оды революции» В.В. Маяковского. Бажанов не видит «предопределённости» в избиениях и расправах над офицерами в начале марта 1917 г., полагая, что «в условиях сложившейся напряжённости было достаточно малейшей ошибки со стороны командного состава, чтобы последовал взрыв» (с. 187). Вести из Петрограда доходили до кораблей бригады с запозданием: лишь 3 марта на «Императоре Павле I», «Андрее Первозванном» и «Славе» команды подняли боевые красные флаги, начались убийства отдельных офицеров. Командование в этих условиях поначалу проявило пассивность (с. 190). Политическим бенефициаром событий стал А.Ф. Керенский, прибывший вечером 3 марта в Морской Генеральный штаб и начавший переговоры с восставшими, пытаясь призвать их к выполнению своего долга, а главное — добиться популярности в матросской среде (с. 191–192). Увещевания Керенского и других эмиссаров Временного правительства не имели должного эффекта. Кульминацией тех дней стало убийство матросами в воротах Свеаборгского порта командующего Балтийским флотом А.И. Непенина. Ссылаясь на мемуарные свидетельства, Бажанов утверждает, что убийство адмирала «могло быть осуществлено матросами береговой роты с целью устранения препятствия

на пути вице-адмирала А.С. Максимова к должности командующего Балтийским флотом» (с. 196).

В 1917 г. на Балтике резко снизилась интенсивность боевой подготовки кораблей, моряки непрерывно участвовали в митингах по самым разным вопросам. Нередко команды сами устанавливали себе — без какой-либо видимой причины — дополнительные выходные дни (с. 196—200). В результате сократились объёмы судовых работ, снизилась боеспособность флота, команды очевидно оказались не в состоянии воевать.

Вероятно, автору следовало уделить большее внимание политическим предпочтениям рядового и командного состава Балтийского флота накануне февральских событий 1917 г. Известно, что анархистские настроения получили здесь широкое распространение и во многом сказывались на поведении экипажей. Не потому ли посетивший в апреле 1917 г. Балтийский флот адмирал А.В. Колчак был потрясён увиденным? Выступая 25 апреля в Севастополе перед делегатами Черноморского флота, он подчеркнул: «Глубокие изменения Балтийского флота прежде всего определились падением дисциплины. Флот как бы забыл, что идёт война. Он занялся внутренним строительством, забыв о внешней опасности»⁴. Вряд ли в тот момент даже авторитет Колчака мог остановить разложение на Балтике, недолго сохранял адмирал порядок и на Чёрном море.

Летом 1917 г. ситуация продолжала катиться по наклонной. Запоздалые меры Временного правительства, пытавшегося, в частности, запретить распространение среди команд дредноутов большевистских газет, результата не принесли. Флот стремительно левел, приняв уже во второй половине июня 1917 г. в качестве основного лозунг «Долой войну!», чего не было

весной, на волне февральской эйфории (с. 211). Корниловское выступление ещё больше дестабилизировало положение, недоверие к офицерам стало подогреваться, нижними чинами они зачастую воспринимались как скрытые сторонники Л.Г. Корнилова. Всё это порождало почву для насилия. Так, 31 августа матросы расстреляли четверых офицеров — членов экипажа «Петропавловска» (с. 218).

Бажанов исследовал также и деятельность комитетов — революционных органов власти на линкорах. Констатируя, что «становление комитетов на кораблях Балтийского флота проходило уже после победы революции, являясь элементом новой власти» (с. 230), он отметил их важную роль с самых первых дней существования. Большой интерес вызывает рассказ о попытке командования Балтийского флота соединить комитеты с традиционной системой управления кораблями, предпринятой в марте—апреле 1917 г. (с. 232).

В Гельсингфорсе, в отличие от Кронштадта, состав судовых комитетов был по-настоящему представительным: нередко офицеры занимали в них значительные должности, а работа велась в тесном контакте с командным составом кораблей (с. 300). Примечательно, что деятельность судовых комитетов, состав которых весной—летом 1917 г. дважды переизбирался, затрагивала не только сугубо хозяйственные вопросы жизни дредноута, воспринимавшиеся нижними чинами как исключительно важные, но и, например, следственные функции, включавшие разбор конфликтов и преступлений, а также дисциплинарных проступков (с. 240). Комитеты, вне всякого сомнения, обладали большим авторитетом в матросской среде, где возникал уникальный «комитетский класс», профессиональные депутаты-матросы (с. 235).

В качестве одной из причин упадка дисциплины на Балтийском флоте, Бажанов указывает проводимые новой властью «меры по изменению формы», которые воспринимались как символическая акция в рамках решительного размежевания со «старым режимом» (с. 274)⁵. При этом изменения носили «настолько произвольный характер», что полностью вышли из-под контроля Временного правительства и командования флотом. В результате «произошло нивелирование одного из атрибутов, регламентировавших службу. Исчезновение традиционной символики стирало психологическую дистанцию офицеров и нижних чинов, разрушая тем самым систему подчинения» (с. 277). Авторитет офицеров, не сумевших отстоять свои традиционные знаки различия от нижних чинов, неуклонно снижался.

В монографии также указаны причины радикализации настроений моряков, убеждавшие их в необходимости и полезности насилия против представителей «старого режима», и в первую очередь — офицерства. Из книги со всей очевидностью вытекает, что таких причин было великое множество, начиная, в частности, от тяжёлых условий службы и огромной усталости, накопившейся за время непрерывного пребывания на корабле. Крушение самодержавия в глазах матросов означало освобождение от всех пут прежних лет. Одной из них для «братушек» была и обязательная утренняя молитва. Показательными в этом плане являются приводимые Бажановым факты пренебрежительного отношения балтийцев к проведению флотских богослужений после победы Февраля. Важная в предыдущие эпохи ритуальная часть служения была отброшена как ненужная, тем самым рвалась символическая нить, связывавшая многие поколения моряков. При этом очевидно, что к 1917 г. сами священники на кораблях

выглядели в глазах матросов как архаичный элемент. В силу разницы в менталитете представителям духовенства становилось всё труднее найти общий язык с моряками, последних же привлекал теперь только язык революции.

Оставшись «без царя в голове» (определение историка С.А. Солнцевой)⁶, чины армии и флота, в том числе экипажи дредноутов, оказались вовлечены в политику. По оценке Бажанова, политические настроения команд на первом этапе революции были умеренно-социалистическими, однако по мере разрастания общенационального кризиса «братушки» стремительно левели (с. 302). Уже к лету 1917 г. на кораблях бригады сложились партийные ячейки, всё большую популярность среди матросов приобретали идеи социал-демократов, сильны были и эсеровские настроения. Офицеры в массе своей в социалистических партиях не состояли (с. 288—290). К осени 1917 г., полагает исследователь, именно левые радикалы в наибольшей степени удовлетворяли запросам команд, что и обеспечило им на определённом этапе поддержку балтийцев, в том числе и бригад дредноутов. В октябрьские дни моряки Балтийского флота сыграли важную роль в победе вооружённого восстания в Петрограде, повлияв тем самым на приход к власти большевиков.

Следует отдельно отметить продуманную структуру рецензируемой работы, построенную логично и подчинённую достижению поставленных целей. Основные положения и выводы обоснованы и аргументированы. Монография базируется на тщательном анализе историографии, в научный оборот введён широкий комплекс архивных источников, дневников и мемуаров, периодической печати (с. 11—70). Значительное внимание автор уделил понятийному аппарату и списку используемых сокращений,

что, несомненно, облегчает восприятие представленных в работе проблем и явлений (с. 70–76, 380).

Книга адресована прежде всего специалистам-историкам и студентам профильных вузов. Автору удалось подготовить интересное и яркое исследование, которое несомненно несёт новое историческое знание и найдёт своего заинтересованного читателя.

Примечания

¹ Бажанов Д.А. Щит Петрограда: служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007.

² Напалков А.В. Офицерский корпус Императорского флота Балтийского моря в годы I мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 15.

³ Елизаров М.А. Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004. С. 42.

⁴ Адмирал Колчак в заседании делегатов Черноморского флота // Русские ведомости. 1917. 27 апреля (10 мая).

⁵ См. также: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 140–229.

⁶ Солнцева С.А. Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль–ноябрь 1917 г.). М., 2020.

Александр Вершинин

Новый взгляд на советскую стратегию накануне Великой Отечественной войны*

Alexandr Vershinin

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

A new look at the Soviet strategy on the eve of the Great Patriotic War

DOI: 10.31857/S2949124X24020235, EDN: HGMCTW

Вопрос о причинах поражений Красной армии летом 1941 г. остаётся одним из ключевых в историографии и неизменно привлекает внимание как профессиональных исследователей, так и общественного мнения. Стоит признать, что историки ныне имеют гораздо более полное представление о стратегической ситуации, сложившейся накануне Великой Отечественной войны. Публикация ряда документов военного планирования обогатила представление о том, какой руководству СССР видела будущую

войну и каким образом планировало её вести. Рассекреченные материалы разведки позволили переосмыслить утверждение о внезапности германского нападения. Определённые успехи достигнуты и зарубежными историками. В целом можно утверждать, что на сегодняшний день удалось выйти из тупика понимания истоков поражений 1941 г., в который зашла советская историография в силу политических ограничений на изучение темы¹.

Вместе с тем говорить о том, что на все вопросы получены исчерпы-

* Кривопапов А.А. В тени теории глубокой операции. Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926–1941 г. М.: Яуза; Российское военно-историческое общество, 2022. 400 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере России и США)».